

ДО ВОЙНЫ

* * *

Еще в мальчишеские годы,
Когда окошки бьют, крича,
Мы шли в крестовые походы
На Лебедева-Кумача.
И, к цели спрятанной руля,
Вдруг открывали, мальчуганы,
Что школьные учителя —
Литературные профаны.
И, поблуждав в круженье тем,
Прослушав разных мнений много,
Переставали верить всем...
И выходили
на дорогу.

1945

* * *

Боль начинает наплывать
Опять — тебе назло.
А ты быстрее за слова,
Но больше нету слов.

И ты поймешь: спастись нельзя,
И боль зальет глаза.
Ведь ты давно уж все сказал,
Что надо б тут сказать.

1941

* * *

До вечера, не в унисон толпе,
Шарахающейся от таких,
Ходил и мечтал об одной тебе
И вслух сочинял стихи.
А город стиснул мечты домами.
А небо покрыло их серою коркой.
Но ты... Ты мелькала, вплетаясь в орнамент
Деревьев, Днепра и Владимирской горки.

1940

Жуча

Вот прыгает резвая умница,
Смеется задорно и громко.
Но вдруг замолчит, задумается,
Веселье в комочек скомкав.

Ты смелая, честная, жгучая.
Всегда ты горишь в движении.
Останься навеки Жучею,
Не будь никогда Евгенией.

1941

Детство кончилось

Так в памяти будет: и Днепр, и Труханов,
И малиноватый весенний закат...
Как бегали вместе, махали руками,
Как сердце мое обходила тоска.
Зачем? Мы ведь вместе. Втроем. За игрою.
Но вот вечереет. Пора уходить.
И стало вдруг ясно: нас было не трое,
А вас было двое. И я был один.

1941

ВОЙНА

Поездка в Ашу

Ночь. Но луна не укрылась за тучами.
Поезд несется, безжалостно скор...
Я на ступеньках под звуки гремящие
Быстро лечу меж отвесами гор.
Что мне с того, что купе не со стенками, —
Много удобств погубила война,
Мест не найти — обойдемся ступеньками.
Будет что вспомнить во все времена.
Ветер! Струями бодрящего холода
Вялость мою прогоняешь ты прочь.
Что ж! Печатлейся, голодная молодость, —
Ветер и горы, ступенька и ночь!

1942

* * *

Это было в Уральских горах
Иль, вернее, во впадине гор,
Где река на восьми языках
С темной ночью ведет разговор.
Он звучал мне отчетливо так,
Говорливый, шумливый, немой...
Когда я проходил там в лаптях,
В пять утра возвращаясь домой.
Это юность моя, как река...
Озаренные шишки вокруг.
Или в мыслях от пули врага
Погибающий где-нибудь друг.
Как из впадины рвалась душа.
Даль была так доступно жива
За Миньяром вставала Аша,
За Ашою Уфа и Москва,
За Москвою опасность в глаза,
Там ведь рядом история шла...
А вокруг только горы в лесах,
Где в тени земляника росла.
Да! Леса. Но в рабочих ушах
Вместо шелеста скрежет стальной.
Я свободою только дышал
В пять утра, возвращаясь домой.

1945

На уральской станции

Над станцией бушует снег,
Слепляющийся теплый снег.
Он бьет в глаза и как на грех
Стремится вызвать женский смех,
Хороший серебристый смех,
Такой же теплый, как и снег.
Над станцией бушует снег,
А в ожидальном зале — смех,
Мужской, удушливый, сухой,
С едва подавленной тоской,
В который отзвук тот прошел,
Что все равно нехорошо.
Да! Все нехорошо — и пусть
Задержит поезд Златоуст,
И плохо прячется пускай
За анекдотами тоска.
Над станцией бушует снег
И хочет вызвать женский смех.

1946

* * *

О нет! Меня таким не знала ты,
Он вывернут войной, духовный профиль.
И верь не верь, предел моей мечты —
Печеный хлеб да жареный картофель.
Мне снятся сны. В них часто он шипит
На сковородке. И блестит от сала.
Да хлеба горы! Да домашний быт,
Да все, над чем смеялись мы, бывало.
Но как бы я об этом ни мечтал,
Но в тишине с картофелем и салом
Я б верно скоро дико заскучал!
И ты тогда б меня опять узнала.

1943

